

Матъяна Левченко

Взгляд назад

Фант-реал

Татьяна Левченко

Взгляд назад. Фант-реал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67095837

ISBN 9785005597687

Аннотация

Много ли можно увидеть за долю мгновения? Ну, это как посмотреть. Глянешь рассеянно – и не увидишь ничего. Мелкие детали заметишь вряд ли. Но, увидев необычное... Взгляд, за доли мгновения, зафиксирует все мельчайшие детали. Вот только проявляться в сознании они будут уже не мгновения – минуты, часы, дни... Много ли можно увидеть за долю мгновения? Можно – небольшую картинку... А можно – всю историю родного города, от зарождения, до дней нынешних.

Содержание

Интервью с грифоном	5
Взгляд назад	9
Зачем спасать чужие миры	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Взгляд назад

Фант-реал

Татьяна Левченко

© Татьяна Левченко, 2022

ISBN 978-5-0055-9768-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интервью с грифоном

Днём они неприступно-суровы. Слегка взъерошены, насторожённые, – не подступись. Стражи.

А ночью... Оказывается, по ночам они дают себе небольшое послабление. И, если подойти тихо-тихо, успеешь уловить глазом – едва приметное шевеление тяжёлых крыльев, слухом – сдержанное до предела глуховатое урчание. Если не оплошать, успеть...

– Приветствую тебя, Страж!

Они одновременно (они всё делают синхронно) щёлкнули грозными клювами:

– Невежа! Нас – двое.

– И вовсе нет! Два изображения, две скульптуры. Но Страж-грифон у Керчи один.

Грифоны недовольно, но уже без угрозы, шевельнули крыльями.

– Что нужно тебе? – проворчали, взглядываясь вдаль над моей головой. – Иди, не мешай работать! – и чуть было вновь не застыли, закованные в бетон.

– Интервью! – заторопилась я. – Это очень удобно, что у тебя два изображения: пока один будет отвечать – второй останется на страже.

Тот, что смотрит в сторону моря, чуть скосил глаз:

– Спрашивай его, он на город смотрит, там сейчас всё спокойно. Только коротко! – и застыл. Я обрадовано кивнула и обратилась к его зеркальному отражению:

– Три вопроса...

– Не больше, – прощёлкал он клювом, не отрывая, однако, взгляда от города.

– Хорошо, – смирилась я, досадуя, что заранее-то вопросы не продумала, да кто ж знал, что такая удача выпадет! И выпалила первое, пришедшее в голову: – Скажите, почему у вас такой странный вид? Симбиоз льва и орла не так уж удобен.

– Каким придумали, таков и есть, – бросил Страж, но, помолчав, неожиданно согласился. – А что неудобно, это верно. Первые столетия ещё приходилось бороться с привычкой почесать лапой за ухом.

– Очевидно, те, кто вас придумал, – я постаралась обойтись без вопросительной интонации – были художниками в душе.

– Конечно! – Бесхитростный страж не заметил моей уловки. – Без фантазии такого не придумаешь. Однако, по идее, всё верно: Страж должен быть зорким, как орёл, сильным и храбрым, как лев.

– Вопрос, как очевидцу, – нашла я, наконец, нужное. – Вы можете открыть эту тайну истории – сколько же на самом деле лет нашему прекрасному городу?

– М-м-м... – почему-то смутился Грифон. – Конечно... тайна веков... и ты мне льстишь, называя очевидцем зарож-

дения этого, действительно славного города. Увы, я пришёл в уже существующую, процветающую столицу Боспорского царства. Правда, припоминается, здесь и тогда уже встречались следы ещё более древнего поселения. Сейчас от них уж совсем ничего не осталось. И вообще, тайна есть тайна. Зачем раскрывать все тайны? Жить скучно станет. Давай свой третий и последний вопрос, а то рассвет скоро.

– Как Вам нравится современная Керчь? – приготовилась я услышать похвалы удобству, чистоте и всем благам цивилизации, но...

– Откровенно говоря, – Страж обидно-пренебрежительно шевельнул львиным плечом, орлиным крылом. – Первые годы, как нас воскресили на этой лестнице, мы с ним – кивнул он на напарника – были довольно ошарашены. Подумать только: такой скачок через время. Этот угар от ваших повозок... Шум, грохот невероятный, суета, часто никчёмная... И люди совсем другого склада мышления. Честно, хотелось опять рухнуть, и уже не воскресать. Однако, пригляделись – жители, хоть и странные по моему понятию, любят свой город, хотят, чтобы он, как и тысячелетия назад, был процветающим. И к истории уважение проявляют, и о будущем думают. Так что, при чём здесь личные переживания? Страж я всё-таки. И работа есть работа. Хорошо уже то, что работа эта всё больше мне доставляет удовольствие. Такой город хранить и беречь – это и подвиг, и достоинство.

Он гордо повернул тяжёлую голову в сторону гимназии, устремив зоркий взгляд вдаль, сквозь здания, сквозь время, далеко в будущее. Может быть, ещё на 26 веков. И застыл на страже.

Взгляд назад

Много ли можно увидеть за долю мгновения? Ну, это как посмотреть. Глянешь рассеянно – и не увидишь ничего. На знакомое нечто – выхватишь взглядом основную деталь и достаточно: остальное услужливо дополнит память. Но мелкие детали заметишь вряд ли. Но, увидев необычное... Взгляд, за доли мгновения, зафиксирует все мельчайшие детали. Вот только проявляться в сознании они будут уже не мгновения – минуты, часы, дни...

Так оно и было.

Набережная. Пологий спуск к морю, к причалу. За спиной – здания ЮгНИРО, Дворца Юстиции. Догадываешься и вспоминаешь, как оно там, на горе, за ними... Знакомо, до мельчайших деталей!

Я спускаюсь к морю, намереваясь пройти на несколько минут на окончание причала, чтобы оттуда, «с открытого моря», оглянуться на вечерний город. С окончания причала даже вершина Митридата немного видна, всегда великолепная на рассвете и закате. И, если уж выпадает возможность, в прекрасный ясный вечер, полюбоваться лишний раз замечательным зрелищем, почему бы не уделить этому несколько минут? Пройти на конец причала и оглянуться назад...

Я делаю шаг с последней, широкой ступеньки и ощущаю,

что земля уходит из-под ног. На всякий случай, быстро вернув ногу на ступеньку, я, тем не менее, чувствую довольно сильный толчок, будто началось землетрясение. Меня качнуло. Мгновенно оглядываюсь назад, через плечо, с жутким ожиданием увидеть начало катастрофы.

Доля мгновения... Осознание же увиденного определилось лишь несколько месяцев спустя. Зато – с мельчайшими деталями. И вот, я решила описать этот взгляд назад, длиною в долю мгновения.

Любой керчанин без малейшего труда узнает место, где меня настиг толчок: нижняя ступенька набережной, в полуметре от парапета-скамьи.

Я ощутила себя стоящей на чём-то плавучем. Поскольку смотрела на берег, то не видела, на чём стою, лишь ощущала качку от волн. Периферийным зрением угадывала на себе длинный тяжёлый шерстяной тёмно-синий плащ, край которого в виде капюшона наброшен на голову. Я стояла на самом краю непонятного плавсредства, брызги волн падали мне на край одежды и долетали до лица. Из тёплого ясного вечера начала сентября, я внезапно оказалась в пасмурном, как бы не конца ноября.

Я смотрела на берег. Суровый, неприступный берег, на котором, под низко бегущими сизыми тучами, мрачно возвышалась гора, почти вся состоящая из беспорядочного нагромождения громадных и поменьше валунов. Простран-

ство меж валунами было заполнено сероватой почвой, поросшей (даже издали ощущалось) жёсткой, такой же сероватой, травой. Тяжёлые волны разбивались о подножие горы, прежде ещё пройдя многометровый каменный шельф, больше похожий на рифовый барьер, пенясь на нём и закручиваясь бурунами и воронками. Пристать к этому берегу было абсолютно невозможно. А и пристанешь (была бы погода спокойной) – вся гора опоясана, поднимающейся прямо от кромки прибоя, высокой, в три человеческих роста, стеной. Стена сложена из больших и малых валунов, без видимых следов обработки и практически без всякого скрепления: в пазах виднеется земля, торчат пучки всё той же сероватой, жёсткой травы. Гора очень крутая. Поэтому, непомерно высокая со стороны моря, стена не особо укрывает от взгляда множество строений на склоне. Мои губы иронически кривятся. Строения, как и стена, сооружены из необработанных глыб, скреплённых землёй. Неправильной округлой формы, будто десятки гигантских чёрных бородавчатых жаб сидят на склоне, глядя ещё более чёрными глазами входных проёмов на море, на меня. Проёмы эти завешены изнутри шкурами (разобрать чьими – трудно, но мелькнула бурая медвежья, серая с рыжиной волчья).

От ближайшей хижины, к стене бежит человек, держа на отлёте, в левой руке, неуклюжее копьё. За спиной у него виднеется лук и оперения пучка стрел, неожиданно снежно-белые, на общем сизо-серо-чёрном фоне. Мужчина лет

тридцати, округлое лицо его обрамлено не слишком длинной кудрявой каштаново-русой бородой. На голове нечто вроде кожаного шлема с «ушами», из-под которых выбиваются длинные, до плеч, волосы, в тон бороды, такие же кудрявые. Одет мужчина в куртку из шкуры, которая явно не сшита, а сооружена, полы её туго прихвачены на талии широким кожаным поясом, который, в свою очередь, завязан тонкими полосками кожи, обёрнутыми поверх него, несколько раз вокруг талии. Полы куртки доходят до середины бедра, руки остаются оголёнными немного выше локтя, по плечам прикрытые свисающими концами шкуры. К поясу приторочено какое-то оружие – то ли булава, то ли топор, на короткой рукояти, явно тяжёлое. Ступни и до середины голеней ног обёрнуты шкурами, закреплёнными, как и пояс, многожды перекрещивающимися узкими полосками кожи. Мужчина бежит к стене и что-то кричит. Это не радость и не страх. Не удивление и не угроза. Да и копьё он держит не угрожающе. Я же, на своём плавсердстве, едва заметно вздёргиваю бровь – не то что удивляясь, но явно не ожидая увидеть увиденное. Неясным осталось: приплыла я или отплывала.

Как и полагается, через этот «миг мига», пространства видения и реальности, чуть всколыхнувшись, восстановили равновесие. Я, вновь покачнувшись, опять обрела под ногами почву, точнее, бетон ступеньки. Здания за спиной оказались на своих местах незыблемо и непоколебимо. И Митри-

дат на фоне заката я всё же посмотрела с конца причала. Вот только ноги ниже колен почему-то некоторое время хранили ощущение прилипающей тяжёлой влажной ткани.

А когда поднялся бум с установлением Дня города, я молча усмехалась провозглашённому его возрасту. Когда же услышала от кого-то прямое: «Да ведь, по известным данным археологов, городу не меньше трёх тысяч лет!» – ответила: «Больше. Своими глазами видела».

В тот миг мига взгляда назад. Через тысячелетия.

Зачем спасать чужие миры

Прожить на пенсию инвалида, даже на две пенсии двух инвалидов в постсоветской «незалежной» державе – понятие из разряда фантастики.

И я делаю сувениры из ракушек. В последнее время большой популярностью пользуются всевозможные парусники, вот я и делаю парусники. Делаю и делаю... делаю и де...

После определённого количества готовых экземпляров я, сначала тихо, потом всё громче, всё выразительнее, начинаю их ненавидеть. Когда хочется сгрести их в кучу и выбросить за окно, – я объявляю перерыв и убегаю с кухни от греха подальше.

В комнате Лёшка висит на телефоне. Я бреду к нему, конечно же, спотыкаясь о прислонённые к креслу трости. Я всегда о них спотыкаюсь. Я всё время о них забываю. Забываю о коляске, о рычаги которой постоянно стучаюсь, проходя мимо. Я забываю, что Лёшка инвалид.

Он мой муж. Он индивид. Он интеллектуал и опора семьи. При чём же здесь какие-то трости и коляска?!

– Отдохнуть... – бормочу, и...

...Больше всего это похоже на состояние глубокого опьянения. Вот, только что нормально, совершенно свободно несла очень разумную околесицу, и вдруг, – причём ведь

в абсолютном сознании, ещё даже фиксируя это как бы со стороны! – в одно мгновение, начинаешь падать в глубоководную-преглубокую пропасть (?) бездну (?) ... Тьму, короче говоря.

У этой пропасти-тьмы оказывается, если не дно, то ощущение натяжения строп. Падение прекращается именно таким упругим толчком. Поскольку тверди никакой не наблюдается, топтаться растерянно на месте я не могу, потому тупо сучу ногами в пустоте, понимая – отчётливо и ясно! – насколько нелепо и глупо выгляжу со стороны. Я смущённо фыркаю и неожиданно обретаю какую-то твердь под ногами.

Весьма даже неровную твердь. Ибо при осторожном прощупывании босой ступнёй – мелкие и покрупнее камешки (но не гравий, совсем не гравий...) покрывают не россыпью, а скорее осыпью довольно твёрдую основу тропы – не тропы, дороги – не дороги... а поскольку спустя миг появилось отчётливое ощущение пространства замкнутого – примем определение «на полу». На основательно холодном но сухом: пыль так же ощущалась, учитывая, из какого пекла я сюда провалилась, – почти блаженной прохладой проникая меж пальцев стопы. Мельком отметила, что не теряю памяти и ориентации.

Тем временем тьма начала медленно сереть, отступая к дальним закоулкам открывающегося видимого пространства, и оно для меня явно ассоциировалось с каменоломня-

ми. Да, да, именно с ними, с легендарными... Тем не менее – и похоже не было. Ни копоти, ни затхлости... Одна только странная уверенность, что место именно то...

А свет всё набирал силу, и видно уже стало хорошо, что коридор штольни уходит далеко в оба конца от места моего в нём явления. Но если в одном конце он опять сгущался в сумрак, по мере отдаления, то с другой, где угадывался какой-то поворот, оттуда, из-за поворота, будто двигался на малой скорости автомобиль с включёнными фарами, а скорей – поезд с прожектором «во лбу» – свет постепенно нарастал, набирал силу.

Я усмехнулась про себя такому наивному «завлечению»... Вот возьму и пойду в противоположную сторону! Но прекрасно понимала, что тьма и даже сумрак мне успели за эти мгновения изрядно поднадоесть, а там, куда влечёт – возможно, ожидает что-то интересное. Я обула слетевшие в падении шлёпки и повернулась в сторону «таинственного поворота». Внезапное лёгкое шевеление ближнего пространства меня ничуть не удивило.

– Ну, что, начнём выбираться? – спросила я Лёшку, появившегося рядом.

Немного настораживало, что он без тростей. Похоже, предстоит хорошенькое приключение, раз уж Лёшка ходячий...

– И ты знаешь – как? – недоверчиво спросил он.

– Понятия не имею! Но – надо.

Перепрыгивая через камни, Лёшка подошёл ко мне. На нём джинсы и, завязанная узлом на животе, клетчатая рубашка с закатанными рукавами. У ходячего, ноги у него нормальной длины, и поэтому он оказывается выше меня.

– Ну так пошли, раз ты всё знаешь, – подталкивает он меня, приобняв за талию.

Я – в своей любимой «тигре» – балахонистое лёгкое платье до пят гепардовой расцветки, в шлёпках, шляпе. Как обычно. Всё, как обычно.

Мы быстрым шагом идём туда, где предполагается источник света. Но он только предполагается. Источника никакого нет. Свет всё время ровно-сумеречный, ниоткуда.

Коридор за поворотом расширяется и уходит ввысь, в нём имеется какое-то строение, напоминающее склеп-часовню: вход оформлен аркой древней кладки, куда позже, значительно позже, но на данный отрезок времени, невероятно давно, вставлена деревянная дверь. Скрипучая, перекошенная, на зелёных от малахитового налёта широких медных петлях. Скрипят не петли – они тихи, как после хорошей смазки, – скрипит сама дверь расшатанными трухлявыми досками.

Мы заходим внутрь. И не знаю, почему, внезапно быстро я дверь захлопываю, лихорадочно, в наступившей полной тьме, шарю по ней в поисках засова. Нащупываю крюк,

но вместо петли для него – в стене трухлявая дырка.

– Ты чего испугалась? – удивляется Лёшка.

Ответ приходит не от меня. Дверь резко распахивается и на пороге, в потоке яркого света, слишком яркого после сумрака коридора и тьмы часовни, – явление потустороннее. Подросток-ангел! Но, слава богу – без всяких излишеств типа крылышек. Льяные кудри до пояса лучатся! Кожа лица, обнажённых выше локтей рук и – выше колен ног – белейшая, светится! Надета на нём рубаха – помесь апашонки, косоротки и туники, подпоясанная узким ремешком, плетёным из чёрных и красных полосок кожи. На ногах сандалии с оплёткой. Нет, не греческие. Какие-то другие.

Огромные серые глаза ангела сверкают праведным гневом, в занесённой правой руке ещё убедительней сверкает короткий меч. Воинственный клич звонкого чистого голоса раздаётся и... осекается. Воин, не растерянно, но явно столкнувшись с невиданным, завершает крик спокойным голосом:

– Вот он!.. Они... Кто это?

Вопрос не риторический, но и не к нам.

Мы с Лёшкой, взявшись за руки, только собрались рвануть подальше, отпихнув юного воителя, остановились, с любопытством его разглядывая. Рядом с ним в проёме появляется не менее колоритная, с такими же кудрями, в таком же наряде и с мечом, но опущенным, высокая девушка. Ангелеса так сказать. В её взгляде ни интереса, ни любопытства, ни разочарования. Глянула, опустила всё ещё занесённую руку

собрата по оружию, и они исчезли. Как их выключили. Яркий свет, правда, остался.

– Вот новости! – бросил Лёшка и, по-прежнему держа меня за руку, повёл из часовни в этот свет.

Вышли.

Холмистая местность, не сказать, что бескрайняя, так как край очерчен с одной стороны более высокими холмами, с другой – относительно далеко – морем или широкой рекой: водная гладь выблискивает в лучах невидимого светила, с третьей – ещё дальше – очень тёмным густым лесом. В четвертую сторону посмотреть не успели: от точки пересечения холмов и леса показался летательный аппарат. Нечто с короткими округлыми крылышками, летящее довольно быстро и почти бесшумно.

Это нечто приземлилось в двух шагах от нас, и последующие минут пять мы оба представляли из себя великолепную парную статую, выражающую эмоции только сжатием друг другу так и неразомкнутых ладоней.

Аппарат был размером с мою шляпу. Только не круглый, а почти как самолёт, но без хвоста. И кабинка, как у самолёта, между крылышек. Верх её, прозрачный, отъехал назад, уйдя в паз. И на землю юрко соскочила белая крыса. Натуральная: с мордочкой, шерстью и длинным голым розовато-серым хвостом. Без задержки, крыса превратилась

в двойника давешнего ангела-воителя, но без меча и размеров своих не меняя. Кроха ангелочек деловито открыл люк под крылом аппарата, вытащил оттуда что-то похожее на синий чехол с палаткой, бросил к нашим ногам. Предмет развернулся, превратился в прямоугольную платформу примерно вдвое больше «самолётика», после чего, незаметно подросший до нужных размеров, ангелочек крылышки у «самолётика» сложил, как веер, и получившийся бочонок вложил в люк в полу платформы, один край которой оказался выгнут наружу дугой, с высоким – ангелочку до подбородка – бортиком. Вдоль бортика выросли из пола три прозрачных кресла.

Существо сделало нам приглашающий жест. Мы разом переглянулись, откровенно обалдело хлопая ресницами.

– Пошли? – неуверенно спросила я.

– Жалко, – протянул Лёшка, развязывая узел рубашки и заправляя её в джинсы. – Правда, если твоя «тигра» сыграет роль паруса... Да ведь сесть может только кто-то один... – он недоверчиво коснулся носком кроссовки платформочки.

В следующий миг мы, уже зарёкшись удивляться, поднялись по лесенке на высоту метров пяти.

Платформа была размером с четверть футбольного поля. Из ограждения – только тот самый бортик по переднему краю. В нём, против среднего кресла, предполагается – панель управления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.